

Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке.

В. Г. Богораза.

(Представлено академиком Ф. И. Щербатским в заседании Президиума 14 июля 1926 года).

В первом номере «*Journal of the American Museum of Natural History*» за 1926 год (том XXVI, январь — февраль) помещена статья нашего известного исследователя, В. И. Похедьсона: «Этнологические проблемы Берингова моря». Статья эта затрагивает очень важный вопрос, непосредственно относящийся к предмету настоящей статьи.

Важнейшей из этнологических проблем Берингова моря является вопрос о передвижениях народов по так называемому Берингову мосту, т.-е. по предполагаемому северному перешейку между Азией и Америкой. В последнее время было предположено называть этот перешеек Берингией, причем ученые склонны считать Берингию имевшей большое протяжение и вполне определенное фитогеографическое и зоогеографическое значение. Так, П. П. Сушкин в своей последней статье,¹ посвященной фауне палеоарктической Азии, приходит к заключению, что именно в Берингии возник биоценоз тайги, столь важный для всей субарктической и умеренно-холодной зоны, и отсюда распространился в Азии по всей окраине Центрально-Азиатского нагорья вплоть до северной части лесной зоны Гималаев, а в Америке на юг до Калифорнии.

Заселение Америки или, точнее говоря, северо-западной части Северной Америки происходило из Азии по указанному перешейку Берингии. Исследования экспедиции Джексона установили в области Берингова моря особую круго-бережную этнографическую зону, представленную группами

¹ П. П. Сушкин. Зоологические области средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны палеоарктической Азии. Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы, Отдел Биологический, новая серия, 1925 г., т. XXXIV.

племен в Азии и в Америке, со многими сходными чертами антропологического типа и культуры.

Американские ученые выдвинули вопрос об обратном заселении Азии переселенцами из Америки, перешедшими обратно по этому самому Берингову перешейку. Надо сказать, что американские ученые весьма упорны в разыскивании таких научных перспектив, где Америка являлась бы исходным пунктом для мировых движений. Аргентинский ученый Амегино в свое время неуклонно разрабатывал теорию о третичном человеке в Аргентине и об его распространении отсюда во все страны земли. Берингов вопрос не допускает таких грандиозных построений. Ученые американисты, и между ними даже Боаз, ограничились указанием возможных переселений не только из Азии в Америку, но также и обратно, из Америки в Азию. По этому поводу Боаз пишет: «Рассмотрение языков и человеческих типов в Америке и в Азии привело меня к заключению, что так называемые палеоазиатские племена Сибири должны считаться отраслью американской расы, которая переселилась в Старый Свет обратно, после отступления ледников».¹

Молодой американский ученый А. Irwing Hallowell в своей новой работе выражает удовлетворение, что Северная Америка не была только пассивной восприемницей азиатских культурных влияний и что, напротив того, северо-западная Америка оказала глубокое влияние на историю культуры северо-восточной Азии.²

В. И. Иохельсон, к некоторому удивлению, выражает ту же американскую точку зрения.

«Племена американской расы», говорит он, «двинулись к северу, перешли на Азиатскую землю и заняли северо-восточную часть Сибири. Я дал этим сибирским племенам обратных переселенцев из Америки в Азию имя американоидов». Следует ссыла на новую работу Иохельсона: «Археологическое исследование Алеутских островов», опубликованную в Вашингтоне в 1925 году.

Приходится выразить сожаление, что новая работа Иохельсона об Алеутских островах до нас еще не дошла. Во всяком случае можно было бы возразить, что имя «американоиды» в применении к племенам северо-восточной окраины Сибири было введено гораздо раньше 1925 г. различными исследователями и относилось не к обратным переселенцам из Америки, а к азиатским племенам, проявляющим некоторые американские черты. Раз

¹ Franz Boas. Ethnological Problems in Canada. Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1910, vol. XI, p. 529—539.

² A. Irwing Hallowell. Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere. American Anthropologist, 1925, vol. 28, № 1, p. 160.

культура северо-тихоокеанского круга принимается как целое, то ясно, что азиатские племена будут представлять американовидный характер, а американские, напротив, азиатский. Вопрос приоритета не имеет, впрочем, особого значения. Гораздо важнее эта твердая уверенность не в американоидности только, а прямо в американском происхождении сибирских племен северо-восточной Азии.

В последние тридцать лет мне тоже приходилось, наряду с Иохельсоном, работать над этнологическими проблемами Берингова моря. Мы разработали вместе теорию об азиатско-американской цепи индоидных племен, существовавшей в эпоху Берингова перешейка, но, после разделения материков, рассеченной на-двое эскимосским клином, вошедшим с севера, сквозь Берингов пролив. Между прочим и два доклада, прочитанные мною в Гааге и Гетеборге на двух сессиях XXI Конгресса Американистов и ныне напечатанные в трудах конгресса, оба относятся именно к этой проблеме.

Первый доклад: «New problems of ethnographical research in polar countries» («Новые задачи этнографической работы в полярных областях»).

Второй доклад: «Early migrations of the Eskimo between Asia and America» («Ранние переселения эскимосов между Азией и Америкой»).

Начальная обработка первого доклада была напечатана по русски под тем же заглавием в 1922 году. Второй доклад совершенно совпадает по теме со статьей Иохельсона и был прочитан в Гетеборге на особом эскимосском заседании. В нем я старался развернуть довольно сложную серию аргументов лингвистических, фольклорных и географических, в пользу того, что азиатская ветвь эскимосов является наиболее древней из всех, и что в связи с этим все переселения эскимосов двигались в одном направлении: с запада на восток. Считая преждевременным и неосторожным высказывать решительное мнение по такому еще не достаточно разработанному вопросу, я все же подверг американскую точку зрения довольно подробной критике, и присутствующие на докладе специалисты эскимологи не представили никаких возражений ни на докладе, ни впоследствии при частном обсуждении вопроса.

Таким образом, я должен частично оспорить и новую американоидную теорию Иохельсона. Я не нашел в его статье новых аргументов, кроме одного, составленного по аналогии. Известные русские зоологи Н. А. Северцов и Н. В. Насонов, после тщательного изучения распределения пород дикого барана в Сибири и Америке, пришли к заключению, что дикие бараны переселились из Азии в Европу раньше последнего ледникового периода. Наступившее обледенение в Америке заставило их отступить к югу. При новом смягчении климата они передвинулись обратно на север и там выделили

особую новую группу, которая переселилась обратно в Азию и распространилась в Сибири.

Эти указания заимствованы Иохельсоном из английской статьи П. П. Сушкина, напечатанной в журнале «Science» (от 15 мая 1925 г.), «Outlines of the History of the Fauna of the Palearctic Asia» («Очерки истории фауны палеоарктической Азии»).

Рассказав по работам Северцова и Насонова сложную историю бродячих бараньих пород, Сушкин даже считает необходимым прибавить в виде заключительной фразы: «Нужно упомянуть, что такие же обратные переселения допускаются ныне относительно некоторых человеческих племен». Я полюбознательствовал спросить у Петра Петровича Сушкина, какое значение он придает своему этнографическому суждению. Он объяснил мне,

Рис. 1. Распределение суши и моря в плейстоцене (По В. И. Иохельсону и Осборну).

что позаимствовал эту идею у Иохельсона в личной беседе и не имеет по этому предмету особого суждения. В сущности говоря, если Северцов и Насонов допустили возможность для баранов обратного переселения из Америки в Азию, я не вижу необходимости отрицать возможность такого же обратного переселения и для какого-нибудь человеческого отрывка. Но отсюда довольно далеко до американской теории происхождения сибирских палеоазиатов, которую готов построить В. И. Иохельсон.

В подтверждение своей американской теории В. И. Иохельсон приводит две схематические карты, заимствованные у Осборна, одну из которых я и воспроизвожу (рис. 1). Под этой картой подписано: «Плейстоцен», а под другой даже и «Плиоцен». Между тем и в этом «Плейстоцене» и в «Плиоцене», помимо Берингова перешейка, все другие очертания

суши и моря вполне современны. Но на деле в плейстоцене еще существовали Гренландско-Исландский перешеек, полярный выступ суши над Европой, включавший в себе Шпицберген и Землю Франца-Иосифа, более глубокий Обский залив и последние очертания западной границы Ангарского материка. Все это на карте не обозначено.

Но гораздо важнее всяких взаимных ссылок следующее возражение.

Американская гипотеза обратного переселения, усвоенная Иохельсоном, может относиться только к прибрежным тихоокеанским племенам, т.-е. к азиатским эскимосам и, так называемой, чукотской группе племен, включающей чукоч, коряков и камчадалов; но я не вижу, как она может покрыть более западные племена палеоазиатской группы, живущие далеко от тихоокеанского берега.

Мне пришлось много работать именно над чукотской группой племен. Сошлюсь на свою последнюю работу: «Опыт сравнительной грамматики чукотской группы языков».¹ Но вместе с Иохельсоном мы пытались установить и другую палеоазиатскую группу, обитавшую более к западу, а именно юкагиро-чуванскую. Юкагиры были, как известно, предметом специального изучения Иохельсона. Кроме юкагиров и чуванцев есть и другие палеоазиатские племена: к западу енисейцы-кето (так называемые «енисейские остяки», не имеющие ничего общего с настоящими остяками, живущими по Оби), к югу гиляки, обитающие в устье Амура и на острове Сахалине. Были, наконец, и другие вымершие племена палеоазиатов, каковы арины и котты.

Изучение этого вопроса в течение последних лет привело меня к более широким обобщениям в этой области.

I. Ряд других племен, обитающих в арктической Азии и в более южных горных областях Сибири кажутся мне примыкающими к палеоазиатам. Таковы на севере долганы, племя неизвестного происхождения, обитающее по реке Хатанге и у озера Ессей, на стыке между самоедами и якутами. Долганы считаются отраслью тунгусов, усвоившей ныне якутский язык. Я склоняюсь к тому, чтобы считать долганов наиболее западной отраслью восточных палеоазиатов, родственной вероятно юкагирам. Юкагиры на всем протяжении от Лены до Алазеи тоже сперва подверглись тунгусской, а потом якутской ассимиляции.

А. Н. Самойлович в своем дополнении к перечню сибирских народов, составленному С. К. Паткановым, высказывает мнение, что, при разработке племенных делений, не следует долганов отделять от якутов. Я не могу при-

¹ Waldemar Bogoras. Chukchee. Handbook of American Indian Languages, Washington, 1922, part 2. Работа эта называлась ранее по-английски: «Essay of a comparative study of Chukchee group of languages».

нять такой чисто лингвистический подход и, напротив, придаю огромное значение изучению долганского племени, живущего на самой границе бывшего Ангарского материка и составляющего единственный в своем роде мост между самоедами и якутами. Долганы вообще оленеводы. Но некоторые из них пасут оленей по якутски (тунгусски), без сторожевой собаки, а другие по самоедски, со сторожевой собакой. Сами себя долганы отнюдь не считают якутами, напротив, мечтают о том, чтобы получить самоуправление и несколько смягчить тесную якутскую опеку.

В области южной Сибири я склонен причислять к тому же палеоазиатскому корню шорцев бывшего Кузнецкого района, ныне особого Шорского района, карагасов и, быть может, сойотов, живущих в Саянских горах. Шорцы, карагасы и сойоты, хотя и говорят на турецких наречиях, но по культуре своей резко отличаются от турков. Карагасы вероятно являются древнейшими оленеводами, а шорцы до сих пор являются настоящими охотниками, собирателями дикого меда, неохотно усваивающими турецкое скотоводство и русское земледелие.

Турецкие наречия долганов, шорцев, карагасов и сойотов мало изучены. Но под турецким слоем сохраняются какие-то более древние остатки, предположительно, палеоазиатского или, точнее, древне-азиатского типа.

Слово «палеоазиаты», которое до сих пор обозначало некоторые окраинные племена северной и восточной Сибири, пора перевести по русски и назвать их древне-азиатами, а вместе с тем и признать их за древнейший элемент населения Сибири, некогда распространенный от Оби до Камчатки.

Возможно, что и другие племена сибирских турков, как например, бельтиры, сагайцы, койбалы — все так называемые «киштыми», т.-е. данники, бывшего киргизского царства, жившие охотой и платившие ясак мехами, ныне вполне отуреченные — тоже принадлежали к палеоазиатскому корню.

На запад от долганов обитающие самоеды, причисляемые по языку к финно-угро-самоедской группе, резко отличаются по культуре от финнов и представляются мне племенем палеоазиатского корня с языком, подвергшимся финскому влиянию. Такими же финнизированными палеоазиатами кажутся мне даже и западные оленеводы, лопари, и, так называемые, южные самоеды - камасинцы, живущие в Канском уезде, по культуре охотники, оленеводы и отчасти рыболовы. Лопари обитают в северной Норвегии и на Кольском полуострове, но раньше они распространялись гораздо дальше к югу.

Все эти племена, вымершие и ныне живущие, сохранившие свою культуру и язык или ассимилированные соседями, следует объединить в одну общую группу, по имени не палеоазиатскую, а скорее праазиатскую. Ло-

пари будут представлять европейскую ветвь этой праазиатской группы и, быть может, мост от древнейшего населения северной Азии к такому же древнему населению северной и средней Европы, предшествовавшему индоевропейцам и также финнам.

К этому широкому обобщению примыкает и новейшее построение Kaj Birket Smith'a в предварительном отчете Датской Этнографической и Географической Экспедиции,¹ дополненное личными сообщениями автора во время его недавнего приезда в Ленинград.

Это построение предполагает древнейшую стадию эскимосской культуры, возникшую во внутренней стране, далеко от морского берега и основанную на сухопутной охоте и рыбной ловле в тундренных озерах. Такие группы сухопутных эскимосов внутренней тундры существуют и теперь к северу и западу от Гудзонова залива, частью на Аляске. Биркет Смит считает, что эта древнейшая культура распространилась некогда из Азии через Берингов перешеек в Америку. Он называет ее «протоэскимосской».

Его недавнее посещение Ленинграда (апрель 1926 г.) имело своей целью найти в коллекциях северно-азиатского происхождения МАЭ и Русского Музея определенные связи и сходства с материальной культурой этой древней протоэскимосской ступени.

II. Ввиду указанного, я пытался, во-первых, составить очерк арктической культуры, взятой как единое целое в ее различных проявлениях и разветвлениях, во-вторых, построить предполагаемую схему древнейшего распространения человеческих племен с юга на север, связанного с изменением климатов и даже геологических периодов.

Типичными разделениями арктической культуры являются: 1) сухопутная охота и рыбная ловля во внутренних водах (озерах, реках), связанная с пешим передвижением зимой и отчасти летом, а также с летней ездой в челноках из коры и кожи; 2) рыболовство на устьях крупнейших рек северной Евразии и Америки, связанное с зимней ездой на собаках и летней в долбленых и дощатых челноках; 3) оленеводство, связанное с зимней санной ездой на оленях или с верховой ездой на оленях в течение целого года; 4) охота на морского зверя, связанная с зимней ездой на собаках и летней в кожаных челноках и лодках.

Эти четыре основные типа допускают многочисленные переходные оттенки. Так, наиболее древняя культура сухопутной охоты в Америке усвоила езду на собаках, а в Азии езду на верховых оленях с особой формой оленеводства. Это верховое оленеводство, свойственное субарктической

¹ Kaj Birket Smith. Physical Anthropology, Linguistics and Material Culture. Geographical Review, vol. XV, № 4, October 1925. Preliminary Report of the Fifth Thule Expedition, p. 542.

лесной полосе, ныне характерно для разнообразных групп тунгусов, которые являются более поздними переселенцами с юга на север.

С другой стороны, помимо этих хозяйственных различий, арктическая культура проявляет большое единообразие во многих отделах материальной и духовной жизни. Хозяйственные формы арктической культуры допускают и дальнейшее деление и районирование. Оленеводство допускает двойное деление, во-первых, с севера на юг: а) северное тундренное с санной ездой и б) южное субарктическое, крайлесовское или более южное горное с верховой ездой; во-вторых с запада на восток: а) западное с применением сторожевой собаки для охраны и пастьбы оленей и б) восточное с пастьбой оленей без пастушеской собаки, силами одних пастухов с навыками более первобытными и неустойчивыми. Верховое оленеводство более южной зоны расположено к востоку от этой разделительной черты и также характеризуется отсутствием сторожевой собаки.

Так же точно и ездовое собаководство делится по формам упряжки по направлению с востока на запад: а) упряжка веером (американская), б) упряжка цугом (восточно-азиатская), в) различные формы упряжки, в общем менее совершенные и позднейшего происхождения (западно-азиатские).

Вышеуказанные типы оленеводства и собаководства разделены на карте резко обозначенными разделительными чертами в направлениях, указанных выше. Северная зона во всем своем круговом объеме может быть разделена, согласно прилагаемой карте, на три больших раздела (рис. 2):

1) Западная Евразия от Норвегии до Енисея. Здесь распространено оленеводство с пастушеской собакой, характерное для донарей, самоедов и зырян. Собаководство входит в эту область с востока и постепенно теряется на западе. Оно явно позднейшего происхождения; тип упряжки или весьма несовершенный, или заимствованный из оленеводства и подражающий оленьей упряжке.

2) Восточная Евразия от Енисея до Берингова пролива. Здесь распространено оленеводство без пастушеской собаки, характерное для чукоч, коряков, чуванцев и юкагиров, северных тунгусов и якутов. Собаководство достигает тоже большого развития у племен рыболовных и приморско-охотничьих. Запряжка цугом, пригодная для езды по лесным просекам или по речному ледяному покрову. К восточной форме тундренного (санного) оленеводства с юго-запада, как указано, примыкает верховое оленеводство, тоже без пастушеских собак. Собаководство по тихоокеанскому берегу простирается до устьев Амура, при той же запряжке цугом.

3) Северная Америка. Оленеводство совершенно отсутствует. Собаководство достигло большого развития, но формы его древнее евразийских.

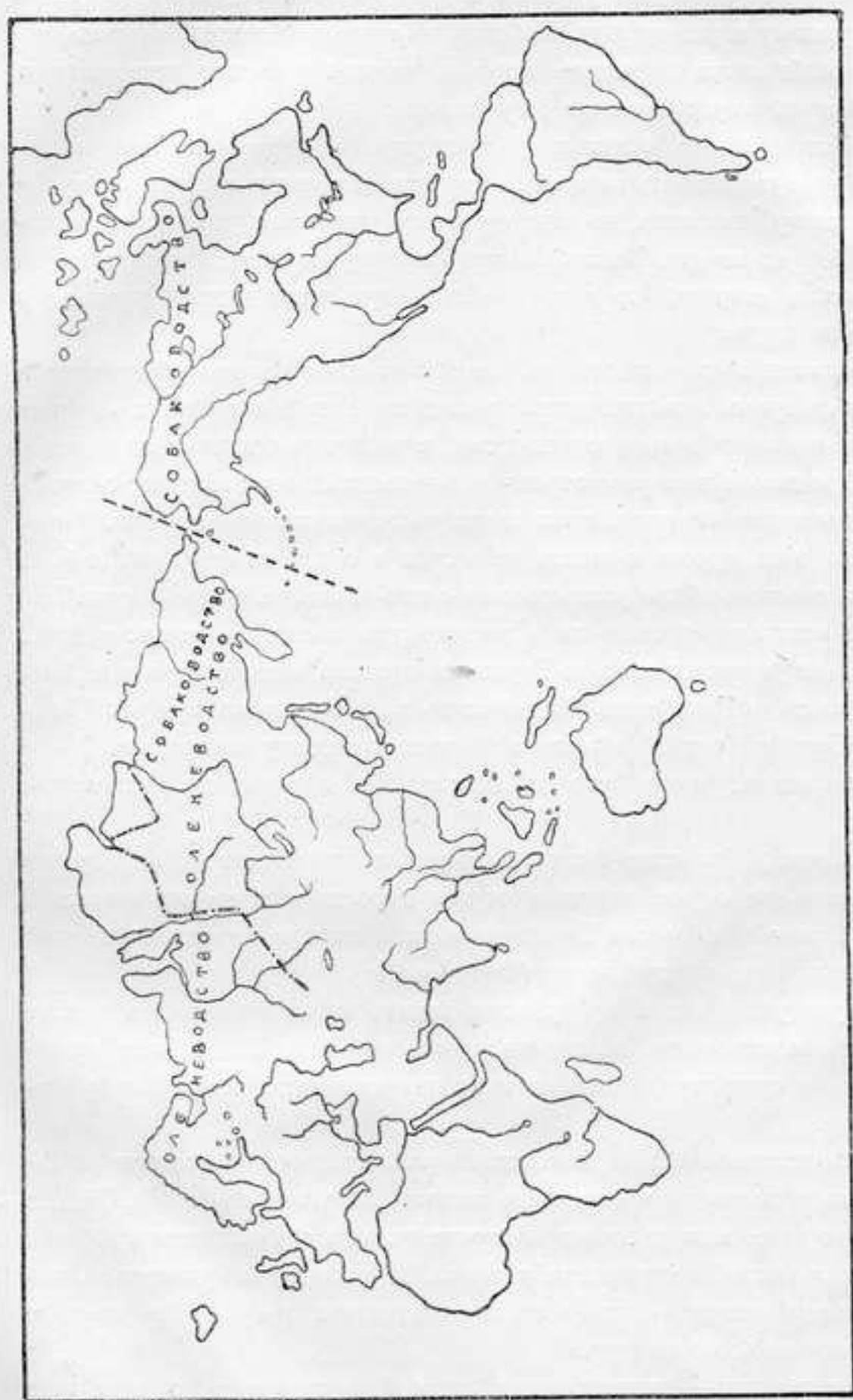

Рис. 2. Карта распределения животноводства в арктической зоне.
— · · · — граница бывшего Ангарского материка.

В частности, преобладает упряжка веером, более пригодная для разъездов по неровному морскому льду. Набежав на торчащий ледяной «торос», собаки разбегаются в разные стороны, человек помогает перетаскивать нарту через «торос» и собаки бегут дальше.

Напротив того, в лесных просеках упряжка веером не пригодна: собаки будут заскакивать за крайние деревья. Для езды по мягкому пушистому снегу, например, по речному руслу, азиатская упряжка цугом гораздо более пригодна. Накатав колею на снегу, нужно держаться ее, не сбиваясь в сторону, что возможно лишь при узкой длинной упряжке и такой же нарте.

Из этих трех разделов, мы имеем в среднем разделе обе типичные формы северного животноводства: разведение оленей и собак; в западном разделе мы имеем только оленеводство, в восточном только собаководство.

При дальнейшем рассмотрении хозяйственных форм арктической культуры, мы видим, что они располагаются последовательными ярусами. И протяжение этих ярусов с запада на восток и с юга на север может быть сведено вместе в общее распределение с юго-запада на северо-восток. Так, область охоты на морского зверя расположена на северо-востоке: в Азии, начиная от Чаунского мыса до Берингова пролива, и далее через всю Америку вплоть до Гренландии. Оленеводство расположено на тундрах Евразии, в Саянской горной области и по тихоокеанскому побережью. В его распространении можно уловить направление с юго-запада на северо-восток.

Раннее рыболовство развилось на устьях всех больших рек Евразии и Америки, но самые типичные формы выросли в северо-тихоокеанской области, по обоим берегам Берингова моря, в связи с огромными стадами различных пород красной лосося (*Oncorhynchus*).

Сухопутная охота при условии пешего хождения осталась в Азии отдельными островками, в Америке несколько больше. Позднейшая азиатская форма сухопутной охоты почти всецело сливается с верховым оленеводством.

Рассматривая общее расположение различных форм арктической культуры, мы находим две чрезвычайно важные, разделительные линии. Обе они имеют не менее важное зоологическое значение, и обе отмечены в работах русских зоологов, в частности Сушкина, и можно только удивляться, что Иохельсон отметил одну и оставил без внимания другую, более древнюю и несравненно более важную.

Первая, это — разделительная линия Берингова моря, которая еще в первую треть четвертичного периода была соединительной линией Берингова моста. Вторая, это — енисейская разделительная линия, которая в конце

третичного и в начале четвертичного периода была западной береговой линией, так называемого, Ангарского или Ангаро-Китайского, Восточно-Азиатского материка.

П. П. Сушкин¹ определяет ее как «фаунистическую границу, делящую северную подобласть палеоарктики на западный, или европейско-сибирский отдел и восточный: заенисейскую Сибирь с Минусинским краем, Урянхайской землей и русским Алтаем. Это граница, идущая по Енисею к югу до полупути между Енисейском и Красноярском, а затем мимо Ачинска, и в обход русского Алтая к Иртышу. Она пересекает и таежную и лесостепную зону, определяясь распространением родов птиц и других элементов фауны. Отсюда вопрос, не представляет ли эта линия более важную фаунистическую границу, чем граница тайги и лесостепи-степи»... «В начале третичного периода Ангаро-Китайский материк представляет огромную площадь, которая обнимает заенисейскую Сибирь с Алтаем и Алатау и область центрально-азиатского поднятия с Китаем, Индо-Китаем, Памиром и большей частью русского Туркестана. Западная Сибирь в это время занята морем, которое отделяет Ангаро-Китайский материк от Европы, на севере соединяясь с Ледовитым океаном, а на юге с остатком моря Тетис, которое занимало область Гималаев, часть юго-западного Тибета и области к югу от Памира, Аральского и Каспийского морей»... «Постепенно море отступило. В олигоцене с началом поднятия Гималаев исчезает рукав Тетис, Западно-Сибирское море исчезает к началу миоцена, и южная часть Западной Сибири остается с тех пор сушею. Но далее на север еще остается в миоцене обширный опресненный остаток моря, а в постмиоцене север страны до устья Иртыша занят материковым льдом и громадным озером. Большие озера есть и в других частях страны»... «Область фауны закаспийско-сибирской и нагорно-азиатской, сродных частично между собой и носящих черты относительной древности, принадлежит территории древнего материка, издавна существовавшей, как единое целое»... Западно-сибирская «область с мало оригинальной фауной и отпечатком юности в немногочисленных характерных формах лишь недавно стала сушей»... «Границы распространения западно-сибирских и ангарских форм до сих пор во многих случаях удивительно совпадают с границами древнего материка»... «В фауне Западной Сибири преобладание европейского облика»... «Однако процесс расселения видов продолжается и теперь. Во первых, значительное количество видов широко распространены через всю Палеоарктику, от океана до океана, объединяя ее в хронологические рамки от начала неогена до наших дней. Далее, различные виды палеоарктических

¹ Op. cit., p. 19, sq.

птиц расселились более или менее далеко внутрь бывшего Ангаро-Китайского материка, но еще не дошли до океана. Для некоторых заенисейско-сибирских птиц мы могли установить совершившееся в разной степени расселение на запад. *Emberiza aureola* стала определенно европейской птицей только после Палласа. Западно-сибирская *Phylloscopus viridanus* расселилась до пределов Пруссии на глазах ныне работающего поколения орнитологов, так как еще в 70-х годах прошлого столетия она была еще исключительно редка под Москвой».

Сушкин считает разделительную линию Ангарского материка, идущую по меридиану, важнее линии, отделяющей тайгу от степи. Ангарскую фауну он считает древней и составляющей единое целое. Западно-сибирскую фауну он считает юной, мало оригинальной и проникнутой европейскими влияниями. С другой стороны, он говорит о дальнейшем расселении фаунистических пород с запада на восток и с востока на запад, которое продолжается и ныне. Необычайная важность всего этого анализа выступает отчетливо при связном чтении отрывков.

Геологический анализ Сушкина доходит до ледникового периода. Его фаунистический материал — по преимуществу птицы, наиболее подвижные и текучие группы животных, которые перемещаются и распространяются быстрее четвероногих. Таким образом, расселение птиц следовало непосредственно за геологическим изменением. С другой стороны, оно не остановилось и продолжается и ныне.

Расселение человеческих племен, напротив того, представляется наиболее медленным. Новообразованные участки суши должны предварительно достаточно обсохнуть, обрасти соответственной флорой, населиться фауной, сперва крылатой, а потом и четвероногой, наконец представить известную возможность путей сообщения для того, чтобы человеческие племена двинулись в эти области. Таким образом, движение человеческих племен начинается там, где останавливается геологический анализ Сушкина — с конца ледникового периода, после отступления западно-сибирского ледника и больших опресненных озер.

За всем тем, предположительные этапы такого расселения племен точно соответствуют всем указанным геологическим и климатическим поворотам. Сушкин говорит о старых участках расселения, имеющих реликтовый характер, о позднейшем разрыве ареалов расселения, о горных колониях северных видов, характерных для птиц, млекопитающих, насекомых и также растений. Все эти явления мы найдем в сфере расселения племен.

Собаководство северной половины Ангарского материка, не существовавшее в западно-сибирской области, представляется древнейшей формой

культуры. Оно перешло и в Америку, которая тогда была соединена Беринговым мостом с Ангарским материком.

Собаководство Западной Сибири соответствует формам позднейшего распространения, о которых говорит Сушкин.

Охота на морского зверя является тоже древнейшей формой культуры, которая по мере обмеления западно-ангарских берегов отошла на восток, в Берингию и Америку.

Оленеводная культура Ангарского материка к востоку от Енисея представляется более древней. Оленеводная культура Западной Сибири и Европы представляется последующей.

Сухопутная охота при условиях пешего передвижения, особенно в Азии, представляется реликтовой формой. Таковы вышеупомянутые шорцы. Саянские оленеводы являются горными остатками древнейшей культуры, давно отошедшей на север.

Русский Алтай с сибирским Алатау являются западным членом Ангарского материка. Мы находим в этой южной местности и в расположенной непосредственно к востоку Саянской горной стране ряд племен, обитающих по горным долинам. Племена эти немногочисленны, каждое в несколько тысяч человек. Все они представляют следы первобытной культуры, более или менее явственные.

Алтайско-саянские племена представляют очевидное соединение трех национальных элементов: турецкого, финно-самоедского и палеоазиатского (рис. 3). Всего заметнее турецкий элемент. Решительно все эти племена в настоящее время говорят на турецких наречиях и являются в той или иной степени скотоводами. Я, впрочем, затрудняюсь признать их как коренными турками, так и настоящими, заправскими скотоводами. Их современное сплошное отуречивание только доказывает, что это элемент последующий, наиболее поздний. Впрочем, иные из этих народцев приняли турецкий язык только во второй половине XIV века. Для турок и для скотоводов они прежде всего слишком малочисленны и многочисленны. Общая численность турецких племен алтайских и саянских едва достигает ста тысяч. Сюда принадлежат по разным правительственным актам начала XVII века: «черные и белые калмыки и киргизские люди, и маты и братья, и саянцы и тубинцы, и кучегуты и кизилы, и басагары и кузнецкие люди». Еще упоминаются десары, маторы, туба, точи, мунгаты, байкотовцы, ушгерцы, сагайцы и другие племена. А по переписи 1897 г., обработанной Паткановым, их тоже не меньше: алтайцы, телеуты, кумандишцы, лебедишцы, шорцы, черневые татары, кузнецкие татары, кизильцы, качишцы, сагайцы, включая бельтиров, койбалов и пр., карагасы, сойоты-урианхайцы. Еще камашинцы, любопытное племя, которое Патканов не упоминает.

Долго существующее скотоводство, как и земледелие, обеспечивая пищей население, открывает перед ним возможность значительного размножения. Таким образом скотоводческие племена укрупняются и считаются сотнями тысяч, а из сибирских турков некоторые считаются простыми сотнями, как лебедицы и карагасы, насчитывающие 907 и 389 душ.¹ Напротив того, племена более первобытной культуры — звероловы, рыболовы оленеводы — всегда малочисленны. Сибирские палеоазиатские племена на севере, востоке и юге отличаются своей малочисленностью и исчисляются в простых сотнях, реже в немногих тысячах.

Изобилуют прямые указания о том, что для многих из этих алтайско-саянских племен скотоводство не является основным, привычным и любимым занятием. Даже в настоящее время мрасские и кондомские шорцы настаивают на том, что они звероловы-охотники. Во время революции размеры их скотоводства чрезвычайно уменьшились. Тем не менее у них есть лошади. Эти лошади бегают на воле в лесу. Шорец не только ходит по лесу пешком, но и для кочевки не любит ловить лошадей — ну их! — и зачастую справляется собственными человеческими силами. Шорцу известно земледелие, но это земледелие младенческого типа. Землю взрывают узкой лопаткой и бросают туда зерно. К земледелию шорца принуждает люта́я нужда. Но сердце его остается в лесу. Он любит пчелованье, поиски дикого меда в дуплах деревьев. В настоящее время, за оскудением оленей и лосей, бьет белку, продает ее торговым организациям и на вырученные деньги покупает в Кузнецке муку. Таким образом, шорец пытается сочетать звероловство с денежным хозяйством и существует покупкою, отстраняясь от скотоводства и земледелия. Круглый год шорец ходит пешком, зимою на лыжах, летом плавает также в челноках по своим бурливым горным рекам.² Родина шорцев, вероятно, самое глухое место всей этой области. Это те дикие и черные леса на камнях, заболоченные части долины, куда во время враждебных набегов из степи спасалось население. Между прочим, именно этих шорцев киргизы называли русским воеводам 1643 года своими киштымами, ясачными людьми. «Пришли к ним с Кондомы и Мрассы ясачные люди, киштымы их киргизские, кормиться».

Из этого сообщения видно, что шорцы и в то время страдали от голода. Шорцы остались и теперь пешими охотниками. Но аналогичные сведения, относящиеся к последним двум векам, касаются и других алтайских племен.

¹ Цифровые данные заимствованы у Патканова и соответствуют переписи 1897 г.

² А. В. Анохин. Шорцы (рукопись); Н. П. Дыренкова. Предварительный отчет по экспедиции 1925 г. (рукопись).

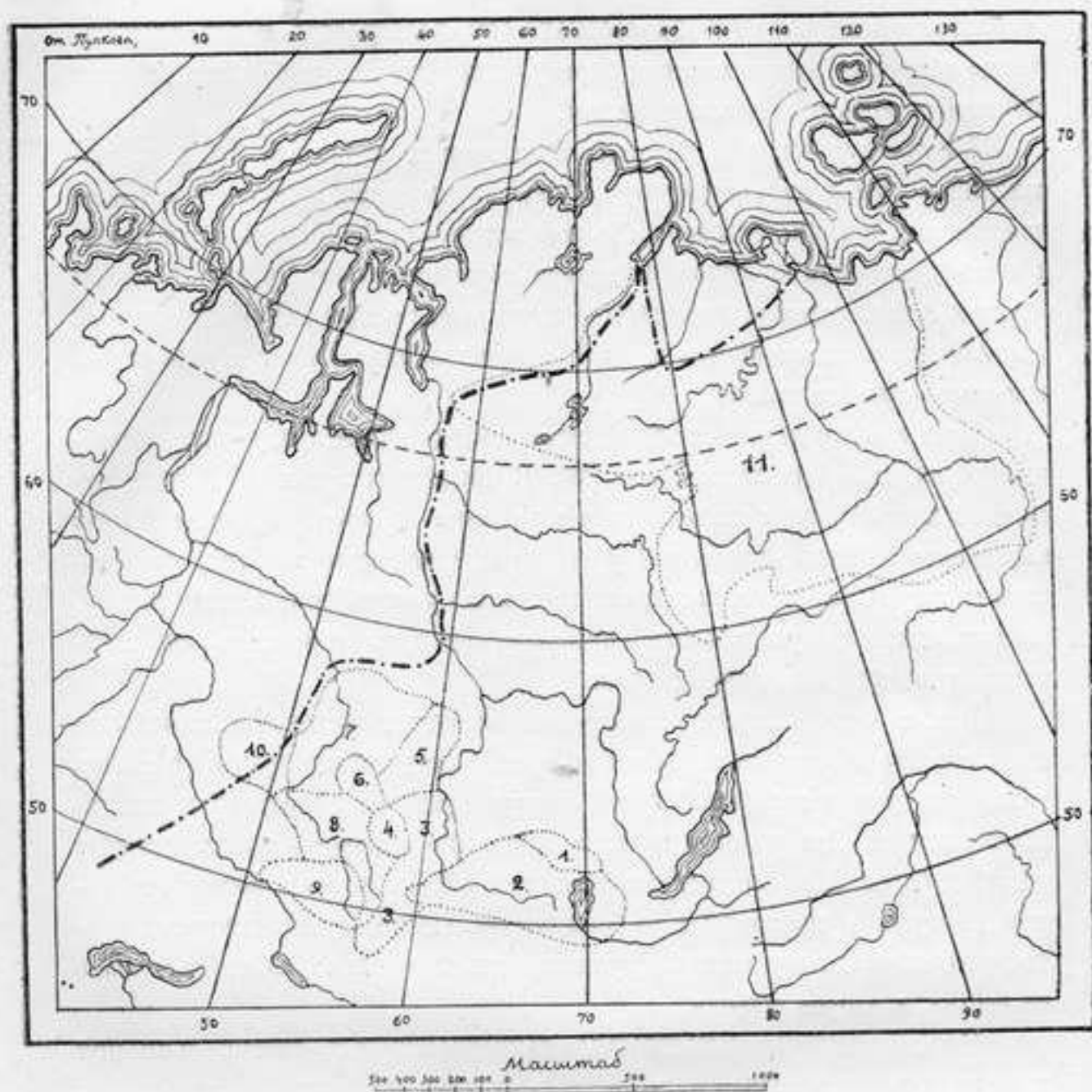

Рис. 3. Современное местообитание турецких племен Сибири к востоку от границ Ангарского материка.

Условные обозначения: 1 — Карагасы. 2 — Сойоты. 3 — Качинские татары (койбалы, саган, белтиры). 4 — Шоры. 5 — Чулымские татары. 6 — Телеуты. 7 — Томские татары. 8 — Алтайцы. 9 — Алтайские калмыки. 10 — Татары-барабинцы. 11 — Якуты.

Так, о котгах пишет Кастрен: «У них не было ни лошадей, ни оленей. Они охотились зимой на лыжах, летом пешком». ¹ Повидимому подобно шорцам, они не имели тоже и упряжных собак. Горные местности

¹ A. Castren. Versuch einer Ienissei-Ostiakischen und Kottischen Sprachlehre. Nordische Reisen und Forschungen. St.-Petersburg, 1858, Bd. XII, p. V (Vorwort Schiefner's).

не благоприятствуют езде на собаках. Она развивается почти исключительно на тундре или на морском берегу, также на устьях больших рек с их шириной и ровным ледяным полотном.

Между прочим, и в челобитной пашенных инородцев 1623 г., посаженных силою на государеву пашню и просящих, чтоб ее заменили попржнему ясаком, сказано: «За тою пашнею рыбы добыть не успевали, а потому все лето с женою и детьми кормятся одною травою».¹ Таким образом, эти невольные земледельцы жили рыболовством. О скоте они и не вспоминают, а их отношение к луговым угодьям такое, что в случае голода они сами кормятся травою.

Еще меньше являются эти племена земледельцами. Они копали съедобные корни, собирали кедровые орехи. В двадцатых годах XVII века тубинский князь Каян с калмыками и монголами до того разгромил коттов нынешнего Канского уезда, что у них не осталось даже лопаток, чтоб копать сарану. Сафьянов писал, что точжинцы употребляют в пищу сарану, кандык, листовичную заболонь и кедровые орехи, из которых на зиму заготавливают колобки величиною с кулак.²

Все это — характерное питание палеоазиатских племен. Так, камчадалы и приморские коряки заготавливают из орехов тундренного кедрового сланца такие же точно колобки. Орехи толкут прямо со скорлупой и смешивают с жиром. Эти колобки лучшее лакомство коряков и они им потчуют гостей и богов. Мне приходилось зачастую кормиться этим месивом толченой скорлупы с прогорклым рыбьим жиром. По поводу неочищенных орехов у коряков, да и у местных русских, есть поговорка: «Медведь орехов не чистит, а здоров живет».

Кстати сказать, относительно вышеупомянутых коттов Кастрен говорит, что они не спали на медвежьих шкурах из боязни мести медведя. Это опять-таки сближает их с палеоазиатами, тунгусами и остяками, имеющими культ медведя.

Также и Радлов сообщает в своем классическом сочинении по китайским источникам о дубо, что они собирали всякие корни и приготавливали из них похлебку. Они промышляли также рыболовством и устраивали охоты на птиц и всякую дичь. Одевались они в меха из соболиных и оленьих шкур, бедные носили одежду из птичьих шкурок. На свадьбах богатые дарили лошадь, а бедные — оленьи шкуры и съедобные корни. Они не знали наказаний и денежных штрафов и т. д.³

¹ П. П. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, стр. 11.

² Г. Сафьянов. Эпизод из странствий. Восточное Обозрение, 1883, № 7, стр. 10.

³ W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1893, Bd. I, p. 184.

Все это яркие, четкие признаки первобытной культуры. Скотоводы, а тем более земледельцы, не одеваются в одежду из птичьих шкурок. Но она свойственна американским эскимосам и сибирским сидячим корякам (отделу кереков). Лошадь, которую дарили на свадьбу богатые, свидетельствует о том, что скотоводство только начинало проникать к племени дубо.

Также о барабинских татарах Георги говорит (1763 г.), что они занимались охотой и рыбной ловлей. Рыбу заготавливали и солили впрок. Они выделывали шубки и украшения из птичьих шкурок, особенно из гагар (подобно эскимосам). Женщины выделывали красивый холст (подобно остякам). Кроме того, подобно многим инородцам, они питались дикими кореньями, сараной, кандыком (*Lilium Martagon* L., *Erythronium dens canis* L., *Adenophora liliifolia* Ledb., *Rumex acetosa* L., *Angelica*, *Heraclium Sphondylium* L.) У Палласа¹ есть подробные указания, как собираются и приготавливаются съедобные корни и растения. Кандык для еды варят с молоком, сарану едят печеною. Ее часто вынимают из мышинных нор. Смородину, барбарис и шиповник пьют вместо чая. Бельтиры и койбалы собирают дико растущую сибирскую крупу «кирлык». Собранные семена отвеивают и отмачивают, потом жарят на огне, шелушат и толкут. Получается крупа, идущая на приготовление молочной каши. Все это подробности, свойственные древнему собирательному типу.

Козьмин характеризует это копанье корней, как примитивный земледельческий промысел, и даже пускается по этому поводу в социологические рассуждения. Но этнограф с его определением согласиться не может. Иначе и медведя пришлось бы признать земледельцем: он тоже копает корни и собирает кедровые орехи. Копание корней и запасы орехов относятся к так называемой собирательной стадии хозяйства, притом к ее простейшей форме. Решительно все первобытные охотники, от Патагонии до Берингова пролива, являются также и ревностными копателями корней.

Чукотская сказка начинается так: «Был человек, ходил на охоту, убивал оленей и лосей; была женщина, копала коренья». Далее следует брак и соединенное хозяйство, мясное и растительное. Чукотские женщины в летнее время неутомимо расхаживают по тундре, отыскивая съедобные корни. Они их выкапывают киркой, сделанной из оленьего рога. С особенным старанием женщины ищут мышинные гнезда, откуда можно иной раз вынуть от 4 до 7 штук лучших корней. Что же касается земледелия, то, где о нем идет речь, оно характеризуется как раннее и скудное. По свидетель-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского Государства. СПб., 1770, т. I, стр. 489.

ству Палласа относительно бельтирцев: «большие между ними имеют у себя несколько пашии. Они сеют ячмень, из коего мелют крупу. Землю вспахивают так, что плуга не имеют, но на старинный манер копают сошником, похожим на садовый полольный топор, который они называют *обыл*».¹ Кроме *обыла* есть и другое орудие, еще более примитивное, «*озун*» — короткая лопатка для копанья, насаженная на изогнутую деревянную ручку. Это, разумеется, первое начало мотыжкого земледелия. Так же характерна и крупа вместо муки, весьма обычная в раннем земледелии.

Н. М. Ядрищев называет такое земледелие проявлением «высокой гражданственности», но это преувеличение приходится, разумеется, отвергнуть. Мало того, приходится отвергнуть и рассуждения Кастрена, Ядрищева и Козьмина о деградации культуры туземцев, об остатках разрушенной культуры, о прежних могущественных государствах, как этнографически совершенно невозможные. Впрочем у более старых писателей было постоянное стремление говорить о разрушенных царствах, о народах, истребленных нашествием иноплеменников.

Чрезвычайно типичны в этом отношении рассуждения Ядрищева: «История указывает, как и археология, что Амур, Забайкалье, вершина Енисея, Минусинский округ, алтайские долины и Семипалатинская область были обитаемы оседлыми и культурными племенами. Несколько раз эта культура могла уничтожаться и стираться в продолжение тысячелетий при движениях диких орд кочевников, но слабые зачатки ее не изгладились, а памятники и свидетельства историков напоминают о существовании здесь культурного мира». Далее следует сравнение «бушующего моря кочевых народов Азии» и культурной «Европы, восприимчицы древней оседлости». Все это очень хорошо. Но дело в том, что степные кочевники не заливали горных массивов.

Кастрен говорит об енисейских осяках: «Они представляют остатки большого племени, которое в давние времена поселилось в верхней Азии и после жестоких войн и нашествий иноплеменников было покорено и уничтожено. В настоящее время они живут охотой и рыболовством. Оленей не разводят, их упряжные животные — собаки. Зимой и летом они живут в юртах из бересты».²

Кастрену, повидимому, представлялось, что енисейские осяки некогда ездили на лошадях, имели хорошее металлическое оружие и прочные жилища. Но современная этнография не рассматривает собаководство как

¹ П. С. Паллас. *Op. cit.*, т. III, кн. 1, стр. 497.

² A. Castren. *Op., cit.*

унадочное хозяйство, а только как первобытное. Также и Козьмин говорит об остатках потерпевшей крушение народности, укрепившейся в горах, о сохранившихся остатках земледелия. Ядринцев создал даже целую теорию о лесном земледелии, которое деградировало из степного: «Лесное скотоводство соединяется с охотой. Кочевой лесник есть уже оседлый охотник. Он делает из своего зимовья только экскурсии на промыслы и возвращается назад в свое постоянное жилище, но не бродит по лесам круглый год».¹ Все это совершенно верно. Однако Ядринцев незаметно для самого себя перешел от описания деградированного скотовода к описанию лесного охотника, усвоившего новое для него занятие, лесное скотоводство. Алтайские и саянские леса, конечно не были пусты. И степные скотоводы, вступившие в леса, нашли там первобытных звероловов и передали им свой хозяйственный метод и свой язык.

Лесные скотоводы представляются мне в большинстве недавними звероловами древне-азиатского типа, которые усвоили от турков принесенное ими скотоводство. Разумеется, без настоящего турецкого элемента ни введение скотоводства, ни тем более отуречивание не было возможно. Нужно же было у кого-нибудь заимствовать культуру и язык. Но настоящие турки были только господами, властителями, взимателями дани, как это было в киргизском царстве. Лесные киштымы были в подчинении у своих степных властителей и старались равняться на них в культуре и в речи.

Основной этнографический слой указанных племен определяется исследователями или как палеоазиатский (енисейско-остяцкий), или как самоедский, что в сущности очень близко, ибо я рассматриваю самоедов, как палеоазиатов, подвергшихся финскому влиянию.

Койбалы, котты, ассаны, арины определяются по языку, как родственные енисейским осякам; камасинцы, как лесные самоеды.

По указанию Кастрена: «Койбалы распадаются на 8 родов, из коих 5 самоедских и 3 енисейско-остяцкого происхождения. Сами себя они называют туфо».² Весьма характерно это смешение элементов самоедских с чисто палеоазиатскими. Имя «туфо» — то же, что Радловское ду-бо, почерпнутое из китайских летописей — совпадает с «туба», племенным названием, которое так часто встречается в данном районе.

Маторов и сойотов Кастрен считает происходящими от самоедского корня.

¹ Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы. СПб., 1891, стр. 110 и сл.

² A. Castren. Versuch einer Koibalischen und Karagasischen Sprachlehre. St.-Petersburg, 1857, Vorwort, p. V, VI.

Есть, впрочем, и еще указание на, так называемую, белокурую расу, которая будто бы обитала на Алтае. Китайские летописи говорят об усунях и описывают их белокурыми и голубоглазыми. На этом основании Ядрицев говорит, например, о белокуром типе, попадающемся среди киргизов, и прямо о белокурых племенах южной Сибири. Он высказывает также догадку о примеси индо-европейцев. Клапрот называет их белокурою расой. Надо заметить, что китайские свидетельства о белокурых народах всегда страдают преувеличениями. Малейшее отклонение от обычного монгольского типа резко поражаало воображение китайцев. Китайские летописи упоминают о рыжих и голубоглазых племенах, обитавших в собственном Китае, где в настоящее время мы не находим такого антропологического типа. Точно также трудно было бы в настоящее время найти на Алтае какое-нибудь белокурое племя, помимо русских переселенцев.

«Остатки этих белокурых племен были хакасы и усунь», говорит Ядрицев. Надо сказать, что «белокурые племена» обитают исключительно в северной и средней Европе кругом Немецкого и Балтийского морей, включая в себя северных кельтов, скандинавов, северных германцев и северных славян, также западных финнов. В Азии, даже на Кавказе и в Персии, встречаются только племена темноволосые с большей или меньшей примесью светловолосых.

Радлов упоминает, что китайцы описывают народ *Wilä*, обитавший на Алтае, с голубыми глазами и рыжими волосами.¹ Между тем, рыжеволосых племен вообще не существует. Рыжий (эритрохеский) тип в системе различных антропологических типов составляет не более 2—5%.² Впрочем, по указанию Г. Е. Грум-Гржимайло, у китайцев и у японцев под именем рыжих известны не только рыжеволосые племена, но и белокурые и даже темно-русые.³ Это не помешало Грум-Гржимайло настаивать в других местах своей книги на рыжеволосости, даже на огневолосости различных азиатских племен.

Радлов старается доказать, что эта голубоглазая, белокурая и даже рыжеволосая раса были енисейцы. Но дело в том, что енисейцы тоже отнюдь не являются блондинами. Радлов противопоставляет енисейцев самоедам, причем самоедов безоговорочно называет угро-финнами. Однако, антропологически самоеды отличаются от угро-финнов, ибо самоеды являются монголоидными, уральские угры (остяки, вогулы) являются темново-

¹ W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. II, p. 104.

² Ср., например, таблицу Р. Мартина о распределении цвета волос различных человеческих групп. (Rudolf Martin. Lehrbuch der Anthropologie. Jena, 1914).

³ Г. Е. Грум-Гржимайло. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? СПб., 1899, стр. 9, прим. 4.

лосыми, а финские племена, от Волги до Балтийского моря, в значительной степени светловолосыми.

Грум-Гржимайло в вышеупомянутом сочинении, так сказать, привел в состояние сгустка все аргументы и легенды о белокурых и рыжих племенах и произвел над ними операцию, которая по латыни называется *reductio ad absurdum*. Он говорит о племени дисцев, которые обитали одновременно в восточном Китае и в южной Сибири и отличались кроме рыжих волос, еще румяным лицом, высоким ростом и длинноголовым черепом. Эти дополнительные признаки служат для того, чтобы причислить западных дисцев к северо-европейской расе. Автор сближает дисцев с динлинами, хакасами и многими другими племенами, которые китайским летописцам казались рыжими. Впрочем, он причисляет к белой расе также коряков, чукоч и айнов, северо-американских колошей, индонезийских даяков, батаков и множество других. Язык енисейских остяков он сближает с китайским, и наоборот, до-китайское население провинции Джоу, считает приближающимся к арийцам своими обычаями (?). «Как же мог исчезнуть совершенно бесследно, такой огромный народ», спрашивает он с удивлением, «когда, например, одни хагасы могли выставить около 80.000 войска»? В объяснение этого он заимствует известную теорию о коварстве черноволосых, использовавших энергию белокурых и захвативших плоды их разнообразных культурных достижений. Гораздо естественнее и проще на этот затруднительный вопрос дать прозаический ответ: рыжеволосый и голубоглазый, высокорослый, длинноголовый азиатский народ, создавший китайскую культуру, никуда не исчезал — он просто не существовал.

Впрочем и Клеменц, предшествовавший Грум-Гржимайло, впадает в такое же недоумение. «Народонаселение Хагасов», говорит он, «состояло из нескольких сот тысяч семейств. Строевого войска у них было до 80.000. Уже одна последняя цифра показывает, как густо был населен Минусинский округ. В настоящее время вся Енисейская губерния, имея 350.000 жителей, не в состоянии выставить такое количество воинов».¹ На деле Минусинский округ, разумеется, никогда не был Бельгией. Просто из китайских цифр нужно убрать один или два нуля. Цифры старых летописцев всегда страдали особенными преувеличениями. Так, по указанию Библии исчислено воинов израильских в пустыне 603.550 (Числа I, 46). Тоже, стало быть, несколько тысяч семейств кочевников, будто бы бродивших в пустыне сорок лет, вместе с миллионами скота.

Если есть в указаниях китайских летописцев какое-нибудь антропологическое основание, то его нельзя относить к индо-европейцам, а только

¹ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского Музея. Томск, 1886, стр. 73.

к финнам, которые в отношении светлых волос и голубых глаз ничуть не уступают индо-европейцам. Таким образом, к трем указанным элементам присоединяется еще и четвертый, финский, ныне совершенно исчезнувший в данных областях.

Далее надо указать, что по рекам Абакану и верхнему Енисею найдены довольно многочисленные остатки медной и бронзовой, а частью и железной культур, следы горного промысла, плавильные печи, а в прилегающих степных местностях могильные курганы, раскопки которых дали во множестве медные, бронзовые и железные орудия. Так по указанию Аспелина¹ в Минусинском Музее в 1902 году было до 3.000 бронзовых предметов и более 1.000 железных из указанных раскопок. Здесь преобладают кинжалы и ножи, части конской сбруи, также серпы и лопатки для копания, по форме подобные современным обыву и озупу. Попадаются также и сошники простейшего типа. Судя по внешней форме предметов, железная культура вначале выросла прямо из медной, и некоторые железные отливки были произведены в старых формах, унаследованных от бронзовой культуры. Но потом был перерыв, связанный с наступлением позднейшей железной культуры.

Подробное рассмотрение этой металлической культуры выходит из пределов моей темы. Можно судить, что эта культура была весьма своеобразная и до сих пор не вполне понятная. По указанию Радлова, носители этой культуры были оседлые земледельцы: «В раскопках весьма редки лошадиные принадлежности, а на рисунках по скалам изображены почти исключительно пешие люди. Частые находки медных серпов свидетельствуют о земледелии. Очень распространен был охотничий промысел. Об этом свидетельствуют охотничьи изображения на скалах, а также пристрастие к изображению для украшения убитых на охоте зверей, медведей, оленей, козлов, туров... На одном из рисунков имеется изображение человека, едущего верхом на рогатом животном (с р. Юса), я предполагаю, что он едет на олене и есть житель соседних лесов».² Впрочем, из дальнейших описаний Радлова выясняется, что лошадь, напротив, этому народу была известна, о чем свидетельствуют нахождение уздечки, изображение на скалах и находки сбруи. Довольно трудно согласовать указанные противоречия описаний Радлова. Рисунки, помещенные в статье Аспелина, изображают не пеших, а по преимуществу конных людей. Примером спутанности китайских сообщений служит рассказ, приведенный Радловым из китайских источников. Кле-

¹ I. K. Aspelin. Die Steppen-Gräber am Jenissei. Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsingfors, 1912, Bd. XII, p. 2.

² W. Radloff. Op. cit., p. 97.

менц¹ повторяет его, ссылаясь на Иакинфа: Тумин, князь племени тукиу, плативший дань князю Жуань-Жуаней, стал свататься к дочери последнего. Но князь Жуань-Жуаней обиделся и гневно возразил: «Как смеешь ты, мой металло-литейщик, делать такое предложение?» Таким образом, выходит по китайским сообщениям, что Тукиу были литейщиками металла и платили дань своим верховным владыкам металлическими изделиями. На деле было обратное. И Радлову, как и Клеменцу, приходится доказывать, что тукиу были кочевники и сами получали дань металлическими изделиями со своих алтайских князьков-вассалов. По более поздним сведениям, в XVI веке кузнецкие татары на верхнем течении Томи платили дань киргизам кузнецкими изделиями. Отсюда и самое имя Кузнецка, кузнецких татар. Сами киргизы литейным делом не занимались. Напротив, при набегах на черневых татар, они отбирали у них самодельные ножи, котлы и огнива. Впрочем, позднейшие курганы железной эпохи относятся к киргизам.

С другой стороны, есть указание, что, помимо обработки металлов, культура указанных раскопок бронзовой эпохи является все-таки низко стоящей. Гончарные изделия, найденные в курганах, грубого типа. Тканей не найдено, кроме одного отрывка, тоже грубой работы. В более поздних курганах железного периода найдены предметы одежды из кожи и ткани.

Но еще меньше эти элементы оседлости и работы по металлу связываются с бродячими карагасами и шорцами или с собаководами-енисейскими остяками.

Паллас, который дал подробное описание и алтайских металлодобывающих работ, и близлежащих могил, и, наконец, металлических изделий древнего происхождения, хотя и не без обычных противоречий, тоже высказывает по этому поводу различные предположения: «Но кто был оный рудоискательный народ? Может быть, нарфяне, в истории затерянные? Или искусные немцы, происходящие из их поколения и того ради, как изобретатели рудокопаний славные? Сии догадки, может быть, стихотворческие».² К сожалению, исследование этого вопроса еще не вышло из стихотворческой стадии.

Если уж пытаться приурочивать эту земледельческую и металлическую культуру к какому-нибудь этнографическому элементу, то ее придется связать с тем предполагаемым финским элементом, о котором я говорил раньше, и притом не с самоедским, а с отдельным от него финским (светловолосым) этническим типом. Тогда и название этих могил чудскими получает свое значение.

¹ Д. А. Клеменц. *Op. cit.*, стр. 70.

² П. С. Паллас. *Op. cit.*, т. II, кн. 2, стр. 333.

Далее к востоку, в области Саянского массива, обитают народы не менее любопытные. Во-первых, камасинцы, наиболее определенный остаток самоедов, которые еще при Кастрене говорили самоедским наречием. В записках Кастрена содержатся довольно обстоятельные материалы по камасинскому самоедскому наречию. Впрочем, в настоящее время камасинцы вполне отуречены. Еще в XIX веке камасинцы были оленеводами, но потом перешли к разведению рогатого скота и частично к земледелию. Но даже в настоящее время исследователи подчеркивают, что все эти новые скотоводы и земледельцы — качинцы, сагайцы, камасинцы — с особым захватом и страстью относятся к охоте. По этому поводу, например, новейший путешественник говорит: «На промысле внимание их всецело поглощается охотой и про хозяйственные дела, оставленные дома, они уже не вспоминают». . . «На охоте мы промышляем и разговоров про дом не ведем. Надо говорить про зверя».¹

Далее следуют карагасы и сойоты, которые, единственные из алтайско-саянских племен, являются и ныне деятельными оленеводами. Из них сойоты обитают почти целиком по ту сторону границы в Урянхайском крае. Численность их достигает 20.000. Вся южная часть племени занимается скотоводством и подпала влиянию монголов. Даже турецкое наречие заменяется монгольским, шаманизм ламаизмом. Северная часть сойотов, так называемые тоджи, занимаются оленеводством.

По русскую сторону границы кочуют карагасы, племя совершенно вымирающее, численностью до 400 душ.² Страна карагасов стала слишком велика для их кочевий и со всех сторон вторгаются в саянские леса русские охотники. Всякие попытки остановить это вторжение русских не приводят ни к чему. Мне передавали такие заявления русских охотников даже в 1926 г.: «В крайнем случае нам легче перестрелять вашу сотню карагасов-охотников, чем самим отказаться от охоты». Этот русский напор особенно увеличился после революции. Карагасы слишком малочислены для отпора и даже для самоопределения. Карагасы, как и шорцы, являются музейным остатком, но в ином роде. Шорцы это реликтовый остаток древнейшей культуры, пешей и звероловной. Карагасы зачинатели на юге культуры последующего типа, отсюда распространившейся на север.

Вместе с Лауфером я предполагаю, что именно отсюда вышло оленеводство. Карагасский олень наиболее старая и крупная оленья порода. Ездят карагасы с сойотами на оленях верхом, но садятся оленю на спину, а не на лопатки, как в других оленеводческих районах. Здесь же суще-

¹ Д. К. Соловьев. Саянская Экспедиция. Пгр., 1921, стр. 113.

² По данным переписи 1897 г. — 389 чел.

ствуется настоящее молочное хозяйство, доение важенок, приготовление масла из оленьего молока. Пастушеской собаки нет, но олени очень смирные, сами приходят на зов и вообще доставляют мало хлопот хозяевам. Каргасско-сойотский олень летует в лесу, прекрасно переносит жару и не очень боится насекомых. Это единственный пример меж всеми оленьими породами. Из этого угла повидимому вышли все три вида оленьего хозяйства. Верховая езда перешла к тунгусам и совершенно окрылила их; санное чукотско-коряцкое оленеводство, подобно саянскому, не держит сторожевой собаки. Наконец, самоедское оленеводство, санное с собакой, тоже не может быть приурочено к иному исходному пункту. Надо заметить, что китайские летописи, начиная с VI века, время от времени упоминают о сибирских оленеводах и нередко связывают оленеводство с ездой на саях. Но так как они говорят и об езде на собаках, то возможно, что сведения их относятся к более северной зоне. Область урянхайцев составляет южный предел распространения северного оленя. Здесь он встречается с диким яком и верблюдом. Именно в этом южном участке выросло приручение оленя.

Таковы племена живущие вдоль бывшей западной границы Ангарского материка. Они представляются древними по своей первобытной культуре и, вероятно, по происхождению. И в обоих отношениях их можно сопоставить с древне-азиатскими племенами, живущими по восточной границе Ангарского материка, на тихоокеанском побережье от Берингова пролива до Амура. Здесь древне-азиатские языки с севера подверглись эскимосскому влиянию, вплоть до Камчатки, а южнее и западнее тунгусскому влиянию. Я указывал выше, что юкагиры, а также вероятно и долганы, подверглись тунгусификации. Можно полагать, что и среди амурских племен, особенно в области устья, мы имеем древне-азиатов, усвоивших тунгусский язык. Таковы, быть может, орочи и ольчи.

Часть юкагиров с чуванцами и большая часть камчадалов, при встрече с позднейшими пришельцами, русскими, также усвоили русский язык, утратив свой собственный. Таким образом, древне-азиаты при встрече с каждым из более поздних племен, появившихся в Сибири, оказались одинаково нестойкими, и усвоили язык и отчасти культуру пришельцев.

От восточной окраины Ангарского материка через Берингию лежит область объединения с Северной Америкой. Восточная граница Берингии, в отличие от западной, является не разделяющей, а объединяющей.

Мы, между прочим, рассматривали вместе с П. П. Сушкиным предполагаемую территорию распространения общих птичьих пород в круго-тихоокеанской области Азии и Америки. Границы ее совершенно совпадают с границей тихоокеанской азиатской американоидной культуры и расы, о которой было сказано выше. Мало того, территория общих птичьих по-

род совпадает с территорией общих мифов о вороне, тоже стало-быть птичьих, хотя это совпадение собственно птичьих элементов должно быть случайное.

Впрочем более подробное обследование этого круго-тихоокеанского объединения должно составить предмет особого очерка.
